

До Вытегры и после

Путешествие из Петербурга в Москву через озера, реки и каналы Русского Севера

Петр Вайль

КРАЕВЕДЕНИЕ

ЧТОБЫ ИСТОРИЧЕСКИ НЕ ПРОМАХНУТЬСЯ, улицы в Вытегре — двойного наименования. Не так, как в больших городах, где всякий называет по привычке и в меру идеологической памяти, а буквально и наглядно — две таблички одна над другой: «III Интернационала» и «Сретенская». От пристани, где на

полдня пришвартовался наш «Александр Радищев» (на чем еще совершать путешествие из Петербурга в Москву?), улица ведет, как положено, к храму, где, как положено, разместился краеведческий музей.

Непременного чучела волка нет, нет и набора минералов, история тут началась позже. Диаграммы роста марксистских кружков. Фотографии местных красных комбригов. К революционному движению подверстан уроженец здешних краев Николай Клюев, снятый в обнимку с изнеженно-порочными друзьями. Диаграммы

животноводческих успехов. Карты сражений Великой Отечественной. Ни слова о лагерях в краеведческом музее города, стоящего — без всякой метафоры — на костях эзков, рывших эти каналы, возводивших эти египетские шлюзы, строивших на века эти серые бараки и вынесенных за скобки вместе с чучелами и минералами.

Церкви удалось выкроить себе правый придел храма, по музею течет аромат яблок, приправленный запахом ладана, и невидимый из-за антирелигиозного стенда священник служит преображенскую

НА ТЕПЛОХОДЕ (СЛЕВА НАПРАВО): ГАНДЛЕВСКИЕ, ВАЙЛИ, ЧХАРТИШВИЛИ.

ВНИЗУ СПРАВА: ВЫТЕГРА, ДЛИННЫЙ СЕРЫЙ ГОРОД. ПОХОЖИЙ НА ДЕРЕВНЮ

службу. Его коллега на стенде жирной пятерней выхватывает монеты у истощенных богомольцев, повернувшись надписью: «Все люди братья, люблю с них братья я».

В двери заглядывают американцы с «Радищева» и растерянно отступают: куда попали? Сретенский собор поставлен высоко и заметно, как везде и всегда умели ставить храмы, но билетерша у дверей, таблицы и графики, берестяные поделки умельцев вконец путают иностранца, даже кое-чего насмотревшегося за неделю плавания по Русскому Северу.

Вообще американцы и англичане — самые неистовые туристы: поехали так поехали, в Камбодже было тоже необычно. Еще с раннего утра трое ушли в вытегорскую неизвестность, не вняв увещаниям корабельной радиорубки: мол, на этой стоянке делать решительно нечего. Зачем же тогда стоим? И они, кругленькие, седенькие, в белых гольфиках, белых шортиках, белых панамках, — ушли, как разведзонды, в туман и морось. Закутанный русский контингент на палубе рассуждал, вернутся ли. Вернулись, хоть и с пустыми руками и новыми безответными вопросами о странностях материальной культуры. Субботний день, август, Яблочный Спас —

на рынке локальный продукт представлен двумя кучками мелкого белого налива. Все остальное — в консервных банках. Где-то в Нальчике земля родит — оттуда помидоры в сопровождении двух молодцов, которые прихлопывают, машут безменами и вдруг страшно кричат: «А вот помидор грунтовый кабардинский берем!» Вытегра пугается, но не слушается: дорого.

В избе с малообещающей вывеской — магазин с гигиеническими рассыпями. Одной зубной пасты — дюжина видов. Пыльный антиблошинный ошейник «Made in Germany» висит с гайдаровского переворота. Изба стоит наискось, и как-то вдруг понятно, что вместо ошейника могли болтаться комут, что инопланетные тубики и флаконы случайны, тем более что дух, стоящий в продуктовой очереди или в автобусе, напоминает лишь об одном средстве гигиены — сером бруске с выдавленными цифрами «72%»: в тазу раз в неделю. Содержание вступает в противоречие с формой и пока проигрывает.

Серая изба и серый барак предстают стилиевой доминантой, которая сменяется лишь с приближением к Москве — новой цветовой гаммой прибрежных сел, с блестящей пленкой парников, с красным

ГОРИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ
(ВНИЗУ И НАВЕРХУ СЛЕВА) И БАРАК ПРИ НЕМ: СНАРУЖА ВНУТРИ, И В ГОЛОВАХ ОБИТАТЕЛЕЙ

кирпичом стен, с пестрыми машинами возле, с белыми и зелеными кругами спутниковых тарелок. Но до того, сразу за Питером и долго-долго после — на Ладозе, Свири, Онеге, Белозере, — нечто серое покосившееся так и стоит неперестроенным со времен Алексея Михайловича.

В полузаброшенном Горицком монастыре из такого барака выскакивают двое, обоим под сорок, к полудню уже приняли, мало. Быстро определяют столичных, называют: «Посмотрите, как живем». От неожиданности заходим: как и снаружи, внутри все наискось — стол, табуреты, пустая этажерка, забросанный тряпьем топчан. Все, что возможно было вынести за копейку, вынесено. Резкий запах утопленных в селедочном пиве окурков. Окна не задуманы отворяться. Жилье обводится широкими киношными жестами: «Видите, до чего перестройка довела».

Как же незамедлительна готовность сослаться на события глобального масштаба: революцию, контрреволюцию, войну, происки. Каплей литься с массами. Как монументально ответил в начале 90-х официант хабаровского ресторана на просьбу принести масла: «В стране масла нет!» Несколько лет назад в нью-йорк- ▶

►ском Музее современного искусства показывали фильм «Ой вы, гуси», где героя постоянно бьет по голове доска при входе в собственную избу. После сеанса зануда-зритель пристал к режиссеру: почему? Его никак не устраивали длинные ответы о наследии сталинизма, разорении села, разрыве власти с народом, он отказывался принимать символику и тупо повторял вопрос: почему после первого удара по голове не прибить доску?

«Может, пить стоит поменьше?» — спрашиваем в горлицком барке осторожно и безнадежно. Ответ предсказуем и боек: «А как с такой жизни не пить?» Поняв, что для получения чаемого червонца одного антуража маловато, отчаянно козыряют единственным в доме непроданным предметом: «Дембельский альбом, вам будет интересно». Альбом как альбом: росчерк комбата, дружеские шаржи в исполнении полкового художника, затейливо вшитые лычки, два десятка фотографий — на турнике, с кружкой, в шляпе и в МАЗе. Светлое прошлое, два года осмысленной жизни, когда решения принимал не сам. Торговля убожеством закончена, больше товаров нет — как раз на червонец. Стесняешься, кладя деньги возле банки с окурками: вроде люди нестарые, руки-ноги на месте. Никакого встречного неудобства нет: «Что, альбом не понравился? А фотографировать не будете?»

Не будем, видали. Чудно вспомнить, что в таких приблизительно декорациях часто проходили дни юности, только на этажерке стояли Камю и Кафка, а вместо дембельского лежал альбом Чюрлениса. Знаком и зажиточный вариант: поныне цветущий в Москве или Питере избяной принцип наслоения всего на все, закон никогда-ничего-невыбрасывания, викторианский триумф мелких предметов — только в отличие от образцовой избы, где пространство было устроено умно и удобно, в городских и сельских избах XXI века организуемый стержень утерян. Да и как, например, сориентировать кровать по сторонам света: по компасу? Микрокосм избы, соотношенный с космосом, перекошен, как кресты на многократно и бездумно перелицованных церквях, как любая стена любого дома. Здесь при девяноста градусах кипит вода, а прямого угла не видал никто.

По пути из Петербурга в Москву тревожится тень не только Алексея Михайловича, но и его совсем не тишайшего сына. Это мегаломан Петр заложил палладианскую эстетику фараонского размаха среди плоских деревень на плоской воде. Таков Петрозаводск, все сияющийся непонятно кого превзойти — не Питер же, хоть он и ровесник, а до других соперников — скачи неделями. Зато здесь театр, какого нет нигде, — огромный, отдельно стоящий, чтобы обойти и оцепенеть от мраморных гармонистов

ВАЛААМСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ГДЕ РЯДОМ С МОНАХАМИ ДОЖИВАЮТ СВОЙ ВЕК ПОТОМКИ СОСЛАННЫХ ИНВАЛИДОВ

внизу:
КЛАДБИЩЕ В КИЖАХ

под коринфской колоннадой. Здесь самый большой в СССР Ленин, поставленный в 30-е, а на контрасте, чтобы ясна была либеральная невнятица 60-х, — самые уютные в стране Маркс и Энгельс: присели два дедуся на завалинку, капитал там, то да сё, происхождение семьи, не наговориться. Уже в наши дни вдоль Онежского озера вытянули гранитную набережную, которая была бы впору, может, Чикаго. Для полноты петровского ужаса по широкой дуге стоят дикообразные скульптуры шведских, американских и других авангардистов из городов-побратимов, которых не разглядеть на картах Швеции и Штатов.

История вообще пластична, в России — особенно, на Русском Севере — особо извращенно.

Триумфальные арки шлюзов с гербами, знаменами, лафетами и прочей царственной лепниной — хочешь не хочешь, высятся символами. Шлюзы призваны запереть, поднимать, опускать и выпускать — все слова из обихода ээка, главного первопроходца этих вод и земель.

На Валааме — следы других навигаторов отчизны. Сюда по ладожским водам свозили военных инвалидов, которые, должно быть, еще дичее, чем в городах, выглядели в поразительно стройной еловой готике Валаама. Когда идешь на катере из Никоновской бухты в Монастырскую, над верхушками деревьев видны маковки восстановленных церквей. Новые храмы — с объяснимым, но все же незлой привкусом новодела, особенно ядовито-голубой колер главного, Спасо-Преображенского монастыря. В центральной усадьбе тянется жилищная тяжба, и все живет вперемешку. Постные лица мирян, живые гримасы чернецов — хорошо, что одежда разная. Беленые здания двойным каре: снаружи не разобрать, где монастырь, а где коммуналки инвалидов-потомков. Церковные власти явно одолевают, за ними признанная правда, они строги и напористы, что видать даже по тому, как проворно бросаются парни в рясах на туристов в джинсах, напоминая охоту милиционеров на стияля. Джинсы нарушают святость места, а отсутствие ►

► сортира — нет? Вопрос риторический в краях свирепой духовности.

На Свири монастырь Александра Свирского потеснил психбольницу. Прекрасные постройки (церковное зодчество тех веков — наверное, лучшее, что произвела на свет российская архитектура) размещены над Святым озером. Местные гордятся: озеро в виде креста. По карте это не заметно, говорят, видно с вертолета, но где взять вертолет — что в XVII столетии, что сейчас. Зато видно, как сквозь серые монастырские стекла, похожие на бычьи пузыри, глядят умалишенные. Как уместна тут вневременность их лиц, их остановившиеся во всех эпохах взгляды, их тихая, неизбывная, вечная боль. Натюра Брейгеля, Босха, Феллини, Германа.

Бакинец Юра, сапер-прапорщик в отставке, окружающим ритмом недоволен. За восемь лет жизни на Свири его и жгли, и громили, но он все ставит какие-то ларьки, коптит судаков и сигов на продажу, возит туристов в монастырь. Юра возмущается соседями: «Они спят и квасят, с утра квасят прямо с детьми. Я? Не, только оператив, знаете, такой шоколадный оператив, на неделю мне бутылки хватает». Дивный пошел прапорщик. Жена Юры — из вепсов, смирной карело-финской народности, умеренной и положительной. Тесть и теща

в своей Карелии и отбывали срок, строили все те же каналы. В названии места — Свирьстрой — вторая часть выразительной и историчней. К счастью, это не Колыма — все, кроме мошкеры, с человеческим лицом: климат, леса, реки, оставшиеся люди. «Оставшиеся» — потому что почти полмиллиона ушли в Финляндию с отобранных у финнов земель. Победы в России — больше на фронтонах арок.

На Севере все сдержанно и приглушенно. Солнце случается так редко, что уже и противопоставлено этим местам. Очень низкие облака дают правильное освещение, в котором осиновые лемехи куполов тускло поблескивают, как мельхиор. Кижы оказываются не кичем с глянцевого календаря, как всегда в таких случаях опасаясь, а вписываются каждой планкой в пейзаж. Деревянные церкви, часовни, сараи, амбары, раскидистые дома — неожиданно, но логично напоминающие альпийские шале — растут невысоко и крепко, как карельская береза. Сыроватый воздух плотен и ощутил на вкус. Гид в Кижях говорит, что похмелье тут переносится легче. Знание предмета сквозит в кривой усмешке при этих словах, в трудном движении кадыка. Он задирает голову и кричит: «Игорек, давай!» Игорек дает, да так, что до сих пор в ушах тот ме-

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ — С ОЗЕРА (ВНИЗУ) И ИЗНУТРИ

ланхолически-бесшабашный виртуозный перезвон. Туристы охотно бросают купюры в коробку у подножия звонницы, сверху оценивающе выглядывает припущий Игорек — завтра опять понадобятся целебные свойства карельского воздуха.

Из-за удаленности, тихой красоты, воздуха, обилия рыбы, грибов и ягод — готовой постной пищи под ногами — на Севере закладывались скиты и монастыри. Так встал на Сиверском озере Кирилло-Белозерский — громадный, второй на всю Россию после Троице-Сергиевой лавры, мощного крепостного облика. Никому никогда не понадобилась эта крепость, а если бы оказалась нужна, то рухнула бы в считанные дни осады, потому что российские фортификаторы отстали в военной технике лет на сто от тогдашнего потенциального противника. Но народ выбирает свои маяки, как выбрал православие, — за красоту: мало есть видов значительнее, чем Кирилло-Белозерский с озера, разве что Макарьев, встающий на рассвете из волжских вод.

Ферапонтов — то ли противоположен, то ли задуман Кириллову в пару. Ферапонтов поэтичен и беззащитен, добродушен даже стерегущий его сержант, не лаает облезлая дворняга с проблеском колли. Монастырь открывается в девять, к этому часу сходятся музейные работники, решительно пресекая всякие поползновения: «Нет-нет, сперва нужно сделать замеры температуры и влажности, минут сорок еще». — «Так нас теплоход ждет». — «А, теплоход, тогда заходите». То же у Рождественского собора с фресками Дионисия: «Вход строго по четыре человека». — «А нас шестеро, одна компания». — «Это другое дело, давайте». Кажется, то, что потихоньку губит страну, и спасало ее, в том числе в этих краях: опаздывал конвой, просыпало с похмелья лагерное начальство, ленились костоломы. В Ферапонтове тоже были ээки, один очень знаменитый — патриарх Никон. Извечный бардак выручал его в своем XVII веке: непонятно было — то ли это супостат, то ли руководство на временном отдыхе. Заключенному Никону в просторные комфортабельные кельи доставляли осетров и арбузы, пока в

Кремле не приняли, наконец, решение и не отправили его на строгий режим в Кирилло-Белозерский, ставший последней зоной разжалованного патриарха.

Ферапонтов стоит на холме меж двух озер. Он захватывающе легок снаружи и внутри. Внутри — росписи Дионисия. Идеальная гармония линии и цвета — фовистское сочетание плоскостей красно-коричневого с густо-голубым и бледно-зеленым. Аллегория мира неназужна, как поется в красивом романсе — «земля и небо вспыхивают вдруг».

СКРОМНЫЙ ПО РАЗМЕРАМ ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ С РОСПИСЯМИ ДИОНИСИЯ И ГИГАНТСКИЙ ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ТЕАТР С ИРАМОРНЫМИ ГАРМОНИСТАМИ

Ради одного этого маленького собора стоит отправляться в путь, но массового туриста сюда не возят — берегут фрески. На Горицкой пристани долго выясняешь, кто бы подбросил в Ферапонтов. «Может, Сашка?» — «Не, Сашка коптит, к Рустаму надо». Основательный Рустамов дом выделяется среди изб вытегорского типа. Деловитый хозяин, явно из любителей шоколадного «оператива», заводит «Жигули», вторым берет на «Москвиче» Сашку, оторвав от лещей, попутно пытается продать нам шахматы: «Французы берут на раз, больше Куликовскую битву, ребята не успевают резать. До меня одни кофточки и платки были, я со своей темой пришел, с шахматами, четырнадцать моделей, рыцари всякие, Наполеон, но круче всего — русские с татарами, и недорого».

По возвращении берем не шахматы, но роскошных лещей, докопченных Сашкиной женой. Вечером — пир на палубе под классического «Бочкарева» на зависть соотечественникам, на диво иностранцам. Пожилой американец из Нью-Джерси подходит узнать, что это терзают с таким урчанием. Наутро он, уже как знакомый, закидывает вопросами: о религиозном ренессансе, качестве водки, особенно о подлинных причинах перекосности домов. Нью-джерсиец спрашивал экскурсоводов, но не удовлетворен глобальными политэкономическими

ответами, попеременными ссылками на злодейства коммунистов, на злодейства демократов, он — как его соплеменник в нью-йоркском Музее современного искусства — хочет понять, почему не вбит конкретный гвоздь.

«Радищев» тянется вдоль длинной серой деревни без прямых углов. «Кстати, не знаете, что это за big village?» — «Вытегра». Панически хватается за карту: «Простите, но Вытегра была позавчера». — «Ага, и еще долго будет». ■

Фото Елены Гандлевской

Лариса Луппиан:
С Боярским я испытала все — от нежности до унижения

Дон Джонсон:
Объясню как в преступлении

Кинокритики взахлеб называли ее Гретой Гарбо и Анной Маньяни советского кино 60-х. **Роль Серафимы-Пистимен в знаменитом сериале «Тени исчезают в полдень» стала для актрисы Александры Завьяловой роковой.** Ей было всего 33 года, когда ее привезли в психиатрическую больницу и заставили написать заявление о выходе на инвалидность. Она потеряла работу, о ней забыли зрители...

Когда 34-летний Марк Твен увидел это небесное создание, он зажмурил глаза, словно его ослепило яркое солнце. Ни одна девушка на свете еще не производила на Твена такое впечатление, как Оливия Лэнгдон. «Или она будет моей женой, или я умру холостяком!» К несчастью, он слишком хорошо понимал, что желает невозможного. И дело не в том, что Оливия — дочь угольного миллионера, а Твен — всего лишь подающий надежды писатель. **Проблема состояла в его темном, полном ужаса и криминальных историй прошлом.**

Детектив Нэш Бриджес в исполнении обаятельного Дона Джонсона стал для миллионов американцев воплощением мужества и благородства. Каково же было удивление следователя Куртвуда Смолла, когда в его кабинет ворвалась женщина и заявила, что Дон Джонсон хотел ее изнасиловать. **Когда Смолл заглянул в досье знаменитого актера, то испытал настоящий шок.** Пристрастие к наркотикам, съемки в порножурналах, алкоголизм, сексуальная распущенность — это еще не полный букет пороков Джонсона. Самое интересное ожидало следователя впереди...

В детстве Мао Цзэдун поклялся «прожить двести лет и переплыть реку в тысячу ли», а главной целью его жизни была абсолютная власть. К власти он шел упорно и напролом. **Он руководил огромным Китаем из спальни, где принимал многочисленных наложниц, или из бассейна, в котором устраивал официальные приемы зарубежным политическим лидерам.** Он не умел слушать и не терпел возражений. Собеседником Мао мог быть лишь сам Мао. Но настало время, когда Великому Кормчему пришлось за это заплатить...

«КАРАВАН историй» уже в продаже